

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

НОВЫЕ МЕТОДЫ ПРИКЛАДНОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Социальная фотоматрица и социальный рисунок сновидения

(Stamenova, K. & Hinshelwood, R. D., eds., Methods of Research into the Unconscious: Applying Psychoanalytic Ideas to Social Sciences. London: Routledge, p. 145–168)

*Буркард Сиверс и Роуз Реддинг Мерски
(Пер. с англ.: Андрей Карнов)*

Буркард Сиверс – заслуженный профессор по организационному развитию департамента экономики, менеджмента и социальных наук Университета *Bergische Universität Wuppertal* в Германии, экс-президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO). Член правления SCOS – Постоянной конференции по организационному символизму. Более 30 лет работал организационным консультантом и руководил многими конференциями по групповым отношениям в Германии и за рубежом. Проводит семинары по анализу организационных ролей, социальной фотоматрице и социальной матрице сновидений. В 1995 году удостоен приза от *The HBK-Spaarbank* (Бельгия) за книгу «Работа, смерть и сама жизнь».

Роуз Реддинг Мерски – член и паст-президент и первая женщина-президент (1997–1999), первый директор по профессиональному развитию (2000–2006) Международного общества психоаналитических исследований организаций (ISPSO), консультант по организационному развитию широкого спектра частных, государственных, некоммерческих и профессиональных организаций, психодинамический организационный консультант, коуч, супервизор и ментор с более чем 30-летним опытом работы с разными методологиями, включающими такие, как анализ организационной роли, социальный рисунок сновидения, наблюдение за организациями, социальная фотоматрица и социальное сновидение. Автор метода «социальный рисунок сновидения». В настоящее время – почетный профессор магистерской программы «Психоанализ и бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ.

Социальная фотоматрица (СФМ) и социальный рисунок сновидения (СРС) – это два метода исследований, предназначенных для доступа к бессознательному мышлению в группах и организациях с целью получения возможности его использования для обучения. В качестве исходного материала оба метода используют произведения участников (фотографии и рисунки сновидений). В процессе работы с этими материалами участники и ведущие предлагают свободные ассоциации и амплификации для получения доступа к бессознательным мыслям, которые обсуждаются на следующей сессии. Указанные методы, опирающиеся на феномен социального сновидения, разработанный в 1980-х годах Гордоном Лоуренсом (1998), являются частью более широкого набора социоаналитических подходов, некоторые из которых рассматриваются в настоящей статье. Данная часть статьи начинается с обзора общих теоретических основ двух указанных практик с последующим более подробным изложением теоретических обоснований, лежащих в основе каждой из них. В статье также приводится пример группового тренинга по каждому методу. Далее описываются два тренинга с использованием указанных методов в совершенно разных организациях – тюрьме для несовершеннолетних и университете, – во время которых возникли важные инсайты. В завершение статьи рассматриваются вопросы, связанные с возможностью их применения в качестве методологий для научных исследований, и предлагаются рекомендации авторов по их использованию.

Ключевые слова: социальный рисунок сновидений (СРС), психосоциальный подход, социальное сновидение, социальная фотоматрица (СФМ), свободные ассоциации, рефлексивные группы, контейнирование, организационное развитие.

Теоретическое обоснование

Для того чтобы познакомить читателя с указанными двумя методами, вначале приводится краткое теоретическое обоснование, использованное при их разработке, а также некоторые специальные теории, связанные с каждым из них. Оба метода, в свою очередь, связаны с более широким набором социоаналитических подходов, применяемых в исследовании организаций. Термин «социоанализ» означает область исследования, основанную на психоаналитических концепциях применительно к организациям и обществу. Социоанализ, по описанию Бэйна (1999, с. 14), «сочетает в себе и синтезирует методологии и теории, основанные на психоанализе, отношениях в группах, мышлении в социальных системах и организационном поведении».

Сьюзен Лонг (2013, с. 307) описала его следующим образом: «...Наука о субъективности, фокусирующая интерес на понимании того, как субъективность коллективно функционирует в группах, организациях и обществе, постулирующая, что коллектив предшествует индивиду и что субъективность и мышление формируются и видоизменяются в социальном

пространстве». Эта область принимает в качестве своего главного принципа то, что не только индивиды обладают бессознательным, но что группы, организации и целые культуры обладают тем, что Сьюзен Лонг (2010) описывает как «"ассоциативное бессознательное" <...> матрица мышления, которая объединяет членов сообщества на бессознательном уровне». Лонг и Харни (2013, с. 8) определили эту концептуальную двойственность бессознательного:

«Итак, здесь мы имеем дело с представлением о бессознательном как о психической сети мыслей, знаков и символов, или означающих, способной породить широкий спектр чувств, импульсов и образов. Сеть существует между людьми и одновременно внутри каждого из них».

Так же как и в психоанализе, сновидение имеет важное значение в социоанализе. Носители определенных организационных ролей видят сны о своих организациях и своих ролях в них, а материал их сновидений не всегда является исключительно личным – он также и коллективный. Как отмечает Бэйн, «существует связь с организацией жизни наяву и сновидением» (2005, с. 1) и «...сновидения сотрудников организации вносят вклад в понимание организации и ее бессознательного» (там же, с. 5).

Практика социального сновидения Гордона Лоуренса основана на указанном допущении. Лоуренс полагает, что организации обладают бессознательным, к которому можно получить доступ с помощью ассоциаций и амплификации (подробного толкования) сновидений, которыми носители организационных ролей делятся друг с другом. «Контейнер», в котором делятся снами и ассоциациями, называется «матрицей». Лоуренс был пионером концепции использования индивидуальных сновидений и материала сновидений для объяснения социальных процессов и совместно с коллегами разработал практику социального сновидения (*Lawrence, 1999*).

Участникам матрицы предлагается поделиться своими недавними снами. Члены матрицы работают с этим материалом сновидений двумя способами. Первый – это свободные ассоциации. Свободные ассоциации происходят из психоанализа и означают все, что приходит на ум, например более раннее переживание, связанное с содержанием таких сновидений, как несчастный случай или экзамен. Очень часто ассоциации представляют собой недавние сны. Другой способ, с помощью которого участники работают с материалом сновидения, – это амплификация. Это элементы культурной и политической жизни, которые приходят на ум, к примеру текущие события, музыка, литература и кино.

Со времени открытия Гордоном Лоуренсом в начале 1980-х годов социального сновидения (*Lawrence, 1998*) были разработаны и продолжают развиваться различные социоаналитические методологии. Общим для всех них является «намерение получить доступ к бессознательному мышлению группы, независимо от того, связано ли оно с заранее определенной темой либо с конкретной организационной или социальной проблемой» (*Mersky, 2012, p. 20*), а также получить данные, которые впоследствии будут преобразованы в рабочие гипотезы.

Теоретическое обоснование и описание каждого метода

Социальная фотоматрица

Социальная фотоматрица была разработана Буркардом Сиверсом (2008a, 2008b, 2013) как метод эмпирического исследования глубинных процессов, происходящих в организациях. Его цель состоит в том, чтобы посредством коллективного просмотра цифровых фотографий, сделанных участниками (с учетом последующих ассоциаций, амплификаций и размышлений), понять скрытый смысл того, что в организации обычно остается невидимым, а следовательно, незамеченным и непомысленным.

Эта практика основана на идее, что, когда человек делает фотографию, возникает связь между тем, что фотографируется, и внутренним миром фотографа. Применительно к социоаналитическому мышлению это означает, что фотографии, сделанные членами группы (которые впоследствии будут представлены в СФМ), можно рассматривать как сделанные от имени коллективного внутреннего мира этой группы. Фотографии в СФМ – это не просто реплики «реальности», а способ открытия переходного пространства между реальным и воображаемым, конечным и бесконечным, известным и мыслями, которые до сих пор не были помыслены.

В ассоциативном бессознательном мысли становятся доступными для мышления благодаря свободным ассоциациям и амплификациям к представленным фотографиям. Вопреки распространенному предположению, что фотографии принадлежат фотографу, в СФМ именно фотография, а не фотограф, является предметом обсуждения. Таким образом, фотографии говорят сами за себя, и мы предлагаем ассоциации в связи с ними, а не с фотографом.

Такой опыт коллективной идентичности зачастую незнаком участвующим в тренинге впервые. Это переживание «*мы-идентичности*» (Elias, 1987/1981) в отличие от «*Я-идентичности*». Фотографии помогают «преодолеть разрыв между явно индивидуальным, частным, субъективным и коллективным, социальным, политическим» (Vince & Broussine, 1996, p. 8, со ссылкой на Samuels, 1993).

В организационном контексте фотографии позволяют получить доступ к «организации-в-воображении» (Hutton, Bazalgette & Reed, 1997), или «структуре-в-воображении» (Armstrong, 2005), или «структуре-в-опыте» (Long, 1999, p. 58), все из которых являются понятиями, относящимися к внутреннему ландшафту организаций, то есть к внутреннему опыту человека и восприятию им организации. Эти понятия содержат, так сказать, внутреннюю психическую модель организационной реальности. Этот внутренний объект формирует и изменяет психическое пространство и таким образом влияет на существующее поведение.

В указанном смысле организация может рассматриваться не только как нечто «внешнее», но и какместилище опыта и образов, структурирующих как психическое пространство человека, так и социальное пространство организации. Принимая на себя роли в организациях, мы интроецируем части внешней реальности и преобразуем их во внутренние объекты

и парциальные объекты. Данные объекты создают внутреннюю матрицу, которая осознается лишь частично и не в последнюю очередь из-за своего зачастую пугающего характера в какой-то части остается неосознаваемой. Фотографии становятся способом, с помощью которого эти внутренние и парциальные объекты могут быть «экстернализированы» и стать источниками для ассоциаций, последующих размышлений и рефлексии. В указанном смысле фотографии являются переходными объектами (*Winnicott, 1953*).

Практический семинар проходит следующим образом: участникам предлагается сделать фотографии либо до, либо после начала семинара. Их просят сделать фотографии, связанные с заранее определенной темой. Эти фотографии отправляются техническому ассистенту, чья роль заключается в том, чтобы организовать их хранение и разработать метод, с помощью которого они будут случайным образом демонстрироваться участникам во время семинара. Лица, являющиеся ведущими семинара, как и все его участники, никогда не видят эти фотографии заранее. Они работают с фотографиями, но имена фотографов не сообщаются.

Практический семинар состоит из двух ключевых компонентов: матрицы, в которой участники (включая ведущих) предлагают ассоциации и толкования к фотографиям, и последующей рефлексивной сессии, задача которой состоит в том, чтобы сосредоточить внимание на значении фотографий в связи с выбранной темой. Матрица продолжается один час, в течение которого демонстрируется примерно шесть-восемь фотографий. Рефлексивная группа, которую проводит один из ведущих матрицы, обычно является меньшей по численности, и ее работа также длится один час.

В 2013 году Буркард и Роуз были приглашены коллегой, который организует в Белграде практические семинары по профессиональному развитию, для проведения однодневной социальной фотоматрицы в качестве части обучающей программы. Тема этого семинара была «Кто я как лидер и как последователь». Эта тема родилась в ходе обсуждения с нашим коллегой, который полагал, что она даст очень полезную информацию о лидерстве в организациях-клиентах.

На этой фотографии (рис. 1) с того семинара можно видеть ноги студентов, стоящие на табличке с надписью «От Вардара до Триглава». Как пояснил в электронном письме технический помощник, «это были границы бывшей Югославии – река Вардар на юге Македонии и Триглав, самая высокая гора на севере Словении. В 1980-е годы существовала даже популярная песня с такими словами, часто считавшаяся неофициальным югославским гимном, прославлявшим единство и разнообразие многих народов, живших в этой стране» (*Ristovic, 2014*).

Работая на протяжении многих лет в разных странах в качестве ведущих семинаров по социальной фотоматрице, мы пришли к выводу, что никогда нельзя заранее предсказать ассоциации, связанные с имеющимися фотографиями. Несмотря на то что эта методика может быть использована в любой культуре или стране, фотографии всегда будут иметь

Рис. 1. «От Вардара до Триглава»

разные коннотации. Например, фотография «Упражнение на доверие в парке» (рис. 2), которая, по мнению Роуз, как американки, принимавшей участие в подобных упражнениях, могла бы сказать что-то положительное о лидерстве, вместо этого была довольно скептически и цинично проассоциирована участниками с сербской модой.

Этот опыт напомнил нам, что было бы ошибкой использовать социоаналитическую методологию как имеющую в основе единственную готовую

Рис. 2. «Упражнение на доверие в парке»

к работе теорию, которую надо лишь подтвердить доказательствами на практике. Вместо этого человек создает собственные теории или гипотезы на основе данных, которые генерируются в процессе проведения матрицы и затем обсуждаются в рефлексивной сессии. Если бы мы отправились в Сербию, страну, о которой мы знаем очень мало, с теорией в наших головах, связанной с темой «Кто я как лидер и последователь», которую мы стремились доказать, Роуз, как американка, и Буркард, как немец, оказались бы несколько неадекватны. Наши теории о лидерстве в Сербии исходили бы из того, что мы читали в новостях или слышали в дискуссиях, и, естественно, находились бы под влиянием наших культурных и национальных особенностей. Никто не собирается «доказывать» свою теорию, находя ее в данных.

Интересно, однако, что даже сербы, присутствовавшие на семинаре, были удивлены тому, что проявилось в матрице в связи с темой, а именно чувства грусти и депрессии. В небольших рефлексивных группах участники поделились опытом переживания предательства со стороны своего руководства, которому много лет не могли доверять по-настоящему. Таким образом, им трудно отождествить себя с идеей последователя или лидера, поскольку обе роли были настолько замараны.

Как и всегда в нашей практике, тема для этой СФМ была выбрана в сотрудничестве с нашим сербским коллегой, спонсировавшим данное мероприятие. Мы работали с группой из 48 участников, но лишь половина из них прислала фотографии. Впоследствии мы узнали, что многим участникам семинара было трудно сделать фотографию, относящуюся к заданной теме. Например, участник, сделавший вышеприведенную фотографию (рис. 3), сказал, что ему было крайне затруднительно найти подходящий объект. В этой фотоматрице было много фотографий, взятых из личных архивов людей, например фотографии египетской статуи, дома знаменитого архитектора в Барселоне, чьей-то дочери, одетой в летнюю одежду (фото, которое нельзя было включить в матрицу, так как она

Рис. 3. Мальчики в спортзале

Рис. 4. Утка-мать и пятеро утят

проводилась в марте). Другие фотографии, казалось, были скопированы из интернета, например пять гусят, следующих за своей матерью (рис. 4).

Для нас это была информация, которую было непросто соотнести с заданной темой.

Социальный рисунок сновидений (СРС)

Социальный рисунок сновидений разрабатывался Роуз Реддинг Мерски (2013, 2017) на протяжении семи лет и впоследствии был исследован с психосоциальной точки зрения (*Clarke & Hoggett, 2009*). Исследования показали, что участие в СРС может стать ценным индивидуальным опытом профессионального обучения, а также важным ресурсом для тех, кто переживает серьезные перемены в своей рабочей и личной жизни (*Mersky, 2017*). Что особенно отличает СРС от социального сновидения и социальной фотоматрицы, так это интенсивная ассоциативная работа, выполняемая с рисунками сновидений отдельных участников. Именно благодаря ассоциативной работе группы индивидуальному сновидицу становятся все более и более очевидны глубокие проблемы, отраженные в первоначальном материале сновидения.

СРС базируется как на теории рисования, так и на конкретных исследованиях по рисованию сновидений. Важно помнить, что сами сны, какими бы невыразимыми они ни были и какими бы ни казались трудными для понимания, являются визуальными. Рисовальщик сновидения не делает набросков с модели перед ним, и он/она не рисует объект или сцену из визуальной памяти о внешней реальности. Рисунок не является имитацией и не представляет собой репродукцию. Вместо этого рисовальщик использует то, что можно было бы назвать его/ее внутренним восприятием,

«внутренним глазом», который в состоянии сновидения регистрирует различные образы и затем преобразует их в физические представления.

В рисовании сновидений есть много преимуществ. Как отмечает Тейлор (2012, с. 9), рисование – это «исследовательский, преобразующий и генеративный инструмент». Рисование позволяет документировать и понимать значительный внутренний опыт, который может вскоре стереться из памяти. Таким образом, человек не только представляет визуальное, но, по сути, открывает нечто, делая его видимым.

Сказать, что картина стоит тысячи слов, – это не преувеличение. Как отмечал Арнгейм (1969, с. 249), «в визуальном все присутствует одновременно, и его содержание представлено не линейно, а скорее в сложной взаимосвязи, открывающей возможности для понимания и... имеющей потенциал для очень сложного содержания». Рисование сновидения часто возвращает материал сновидения, который человек забыл или которым пренебрег в словесном описании сна.

Стивен Хо (*Stephen Hau*, 2004), исследователь из франкфуртского Института Зигмунда Фрейда, показывает, что когда сновидцы рисуют свои сны, они регрессируют к более раннему периоду развития. Рисунки, как правило, более примитивны и просты, чем рисунки, выполненные в полном сознании, и содержат только основные элементы, то есть рисующий регрессирует к «более раннему состоянию развития» (там же, с. 242), характеризующемуся более примитивным мышлением, восприятием и функционированием.

Хо считает, что рисунки сновидений являются более абстрактными и метафорическими по сравнению со словесным описанием сна (2004, с. 120–131). Арнхайм (*Arnheim*, 1969) указывает на то, что слова предполагают константность и означают «фиксированную концепцию» (с. 244). Они по существу «консервативные и стабилизирующие». Они статичны. Вальде (1999, с. 131) также отмечает: «Когда образы сновидения, обычно состоящие из картинок, трансформируются в язык, интерпретатор уже работает с опосредованным и рационализированным конструктом». Таким образом, рисунки обладают способностью помочь сновидцу получить доступ к большому количеству исходного примитивного (сырого) материала в сновидении.

Исследования Хо показывают, что сочетание вербальных и рисованных сновидений является лучшим способом работы с материалом сновидения. Эти два направления дополняют и поддерживают друг друга и дают более полную и целостную «картину» сновидения. Он цитирует книгу Сендака с картинками «Где находятся дикие вещи» (1963). Здесь страшные рисунки перемежаются и контекстуализируются со словами, написанными на ясном и понятном английском языке, рассказывающими линейную историю.

Таким образом, сочетание двух форм репрезентации – вербальной и в виде рисунка – создает своего рода «переходное пространство» между миром бодрствования и миром сновидений, в котором происходит полный пересмотр опыта сновидения и где становится доступным больше исходного и примитивного материала сновидения. В нарисованном

изображении сновидения фантазии более приближены к «первоначальному процессу воображения», чем рассказанное сновидение, которое ближе к структурированной реальности с ее «объективными ссылками» (Hau, 2004, p. 248).

Структура социального рисунка сновидения очень прямолинейна. В каком-то смысле семинар начинается еще до нашей встречи, потому что участников просят начать рисовать свои сны, как только они узнают тему, и принести один из рисунков на семинар. С каждым рисунком сновидения мы работаем примерно по часу. Рассказав сон, сновидец демонстрирует свой рисунок. Мы предлагаем ассоциации и амплификации. В течение последних 20 минут мы меняемся местами и размышляем на заданную тему, как на рефлексивной сессии в социальной фотоматрице.

Несмотря на тот факт, что социальная фотоматрица и социальный рисунок сновидений основаны на одних и тех же базовых теориях, они тем не менее имеют различия. Например, в фотоматрице мы ассоциируем себя с фотографией, а не с фотографом. Мы не знаем, кто какие фотографии сделал. В отличие от этого, в случае социального рисунка сновидения (как и с анализом организационной роли [Newton, Long & Sievers 2006] и ролевой биографией [Long, 2006]) мы знаем, с чьим рисунком мы работаем. Еще одно важное отличие состоит в том, что в СФМ могут участвовать большие группы. Однажды мы провели в Чили семинар с более чем 50 участниками и четырьмя рефлексивными группами. В отличие от СФМ, СРС работает с группами из трех или четырех участников.

В 2009 году Буркард и Роуз были приглашены коллегой провести семинар по СФМ в бизнес-школе в Сантьяго, Чили. Вслед за этим приглашением другой чилийский коллега, знакомый с исследованиями Роуз в области социального рисунка сновидений, пригласил ее в качестве соведущей аналогичного семинара с небольшим числом коллег. Один из них недавно получил должность преподавателя в бизнес-школе, другой был организационным консультантом, а третий – HR-специалистом в крупной корпорации. Все трое были крайне заинтересованы в понимании и работе с организациями с применением психоанализа. В ходе нашего обсуждения Роуз получила разрешение на использование материалов данного семинара в рамках своих текущих исследований. Тема «Чем я рискую в своей работе?» была выбрана в связи с тем, что это также была тема других групп, исследуемых с использованием СМС.

Эта фотография (рис. 5) взята с семинара по социальному рисунку сновидений на тему «Чем я рискую в своей работе?», проведенного в Чили в 2009 году, на котором Роуз была соведущей. В данном случае каждый участник представлял различный организационный контекст, и, несмотря на то что отдельный рисунок сновидения выражал проблему конкретного сновидца, то, что отразило коллективное бессознательное, оказалось общим: это были социальные и культурные проблемы, связанные с работой в Чили.

Этот первый рисунок содержит образы из двух различных снов, которые сновидец видел с разницей в три дня. Первый сон, отраженный в левой части рисунка 5, был о потере волос. Второй связан с эротическими

**Рис. 5. Социальный рисунок сновидения
«Отсутствие волос и студенты университета»**

чувствами по отношению к студентам, которые подходят к нему после лекции. Ассоциации и рефлексия о том, как это быть обнаженным и выставленным напоказ, привели к обсуждению темы «маски как характеристика чилийского общества, в частности чилийской олигархии»: то есть когда возникает ощущение, что все носят маски, поскольку для выживания важно иметь определенное социальное и семейное происхождение, учиться в определенных университетах и т. д. Вы должны иметь то, что они называют «социальными полномочиями» (расшифровка социального рисунка сновидения, 2009, с. 8).

Этот рисунок самозанятого консультанта (рис. 6) отражает еще один вид беспокойства – страх заболеть и утратить способность содержать семью. Как выразился сновидец, «обязанность производить, создавать,

Рис. 6. Социальный рисунок сновидения «В больнице»

**Рис. 7. Социальный рисунок сновидения
«Позаботьтесь о моих детях»**

достигать стабильности, иметь материальные активы и власть выше здорового уровня» (там же, с. 11). Крест, нарисованный на кровати, оказался важным элементом, который, вероятно, никогда не был бы раскрыт без рисунка. Это привело к ассоциации с ролью Фонда рыцарей-тамплиеров в Чили – благотворительной организации, которая в то время работала в детской больнице Сан-Хуан-де-Диаз в Сантьяго. Вопрос о том, насколько человек может или должен рисковать, как далеко он должен зайти, чтобы помочь другим, также связан с требованиями к самозанятому консультанту. Об этом было сказано на рефлексивной сессии: «Вы должны установить четкие пределы в отношении рисков. Тамплиеры, например, отдали свои жизни, но вам не нужно заходить так далеко» (там же, с. 12).

Наконец, это рисунок сна женщины (рис. 7) – HR-директора частной компании. Босс только что вызвал ее в свой кабинет, чтобы сказать ей, что она должна заботиться о его детях и что она узнает их «по тому, что у них такие же голубые глаза, как и у него» (там же, 15). Вернулась тема принадлежности к элите в Чили, поскольку «наиболее влиятельные корпоративные группы принадлежат к двум основным организациям внутри католической церкви»: Opus Dei и «Легионеры Христа» (там же, с. 15).

Связующим звеном между всеми тремя снами была тема нарушения границ обладателя роли очень уязвляющими способами, приводящими либо к разоблачению, либо к болезни, либо к унижению. Все риски были связаны с тем, насколько прочные границы можно установить вокруг своей рабочей идентичности в культуре, где человек не занимает элитного положения.

Пример 1: СФМ в тюрьме для несовершеннолетних в Германии: «Сетка – это сетка, это сетка»

В 2007 году католический священник одной из тюрем для несовершеннолетних в Вуппертале, Германия, пригласил Буркарда, его коллегу

и группу студентов университета провести СФМ с небольшой группой лиц мужского пола, содержащихся в предварительном заключении. Эти молодые люди были в возрасте от 14 до 20 лет и содержались под стражей в ожидании суда (Sievers, 2014). Это приглашение пришло через студента Буркарда, который был добровольцем в тюрьме и рекомендовал эту идею министру. Чтобы получить разрешение на проведение этого мероприятия, министру пришлось вести переговоры с администрацией тюрьмы. Результаты этих переговоров описаны ниже. Была выбрана простая тема: «Каково это – сидеть в тюрьме?», чтобы подчеркнуть, что основное внимание уделяется системному контексту.

В то время как Буркард и его коллега ранее консультировали тюрьмы, большинство студентов были буквально шокированы, когда их провели по помещению, чтобы сделать фотографии для матрицы. Они постоянно сталкивались с властью и авторитетом государства и судебной системы. Фотографии молодых заключенных часто отражали уродство этого места и были выражением их собственного отчаяния. Оба набора фотографий были собраны в электронный архив для использования в матрицах. Поскольку фотографии были неизвестны, невозможно было провести различие между фотографиями заключенных и студентов.

СФМ проходила в тюремной часовне, которая была единственным подходящим местом для такого мероприятия, так как она воспринималась заключенными как «нейтральное» пространство, в котором они осмеливались говорить открыто. Несмотря на то что заключенные поначалу радовались освобождению из одиночества своих камер и встрече с «нормальными» людьми – особенно с молодыми женщинами, – этот энтузиазм быстро угасал, как только они сталкивались с задачей делиться ассоциациями, связанными с фотографиями на экране.

Для них обучение на собственном опыте в значительной степени ограничивалось защитой от нападения других заключенных и наказаний надзирателей. Фотографии показывали «реальность», и их использование для более широкого спектра мыслей и фантазий было попросту бессмысленным. С их точки зрения, озвученной одним из заключенных, «сетка – это сетка, это сетка», а не источник свободных ассоциаций. В то же время, чем больше студенты осознавали дистанцию между собой и заключенными и огромные различия в словесной компетентности, тем более ограниченными и очищенными становились их свободные ассоциации.

Чем больше заключенных смущали и расстраивали ассоциации студентов и наше постоянное приглашение к свободному общению, тем больше они увязали в собственном «принципе реальности». Они хотели сначала объяснить каждую фотографию, прежде чем дать ассоциации к ней. Они не понимали, что после того, как смысл фотографий будет закреплен, любые другие возможные значения будут устранены.

Одна из гипотез о мыслительной ограниченности и ригидности заключенных состоит в том, что вместо того, чтобы предоставить пространство для ассоциаций, которые привели бы к различным другим мыслям и значениям, они ждали от нас сочувствия в связи с жестоким обращением, с которым они сталкивались в тюрьме. Создавалось впечатление, что их

противодействие выполнению поставленной задачи было вызвано желанием избежать реальности матрицы – и тюрьмы, – а также надеждой на то, что они смогут установить более тесные социальные и личные отношения со студентами. Давление со стороны сверстников, вероятно, тоже играло свою роль.

Буркард, его коллега и студенты вскоре поняли, что приглашение к свободному ассоциированию в контексте во многом тоталитарного института невозможно. Даже если заключенный свободен думать обо всем, о чем он хочет, чаще всего более уместно держать свои мысли при себе.

Во время рефлексивных сессий в смешанных группах заключенных и студентов, следующих после проведения матриц, первые иногда говорили о своих тревогах. Их главным страхом была неуверенность в том, будут ли они осуждены, и если да, то как долго продлится срок наказания и какую жизнь они смогут вести после этого. Их реакция на некоторые фотографии свидетельствовала о постоянной тревоге, связанной с насилием в системе и продолжающимся отторжением родственников и друзей.

Поскольку при таких обстоятельствах было трудно добиться «достаточно хорошего» семинара по СФМ, у ведущих возникло искушение завершить эксперимент после второй сессии. Однако при поддержке министра они продолжили работу, слегка изменив конструкцию. Вместо рефлексии в двух разнородных группах были созданы две однородные рефлексивные группы. Заключенные работали вместе с министром, а студенты – с Буркардом и его коллегой. Это не только дало всем возможность выразить неудовольствие и раздражение по поводу предыдущих сессий и самого метода, но также позволило немного поразмышлять над источниками своего разочарования.

Как оказалось, заключенные чувствовали себя некоторым образом преданными нашим приглашением к совместной работе, потому что мы недостаточно выполняли их желание общаться с ними, предоставить им возможность узнать друг друга и обменяться опытом. Еще обнаружилось, что заключенные часто чувствовали себя беспомощными в матрицах и не думали, что смогут с этим справиться: если у человека нет никаких мыслей, он предпочитает молчать... Никаких чувств к некоторым фотографиям; боязнь сказать что-то не то... Мы, заключенные, видим эти картины изо дня в день... Человек меньше думает в ответ на знакомые образы, новые фотографии были бы лучше... Нужно было заставить себя просто выразить свои текущие мысли... Две стороны не начинают на одном уровне.

Студенты, с другой стороны, выразили свое разочарование и злость по поводу ограниченных свободных ассоциаций заключенных, но также продемонстрировали некоторое понимание того, что делает ассоциирование столь трудным при выполнении данной задачи и метода: самая первая фотография в первой матрице поначалу казалась слишком сложной; если душевая комната представляет собой эпицентр насилия... Свободные ассоциации: неожиданно выяснилось, что мнение заключенных действительно имеет значение... Если я слишком много слышу об индивидуальной

судьбе, я больше не могу работать; я не хочу терять надежду и уверен, что у меня все получится.

Несмотря на сомнения, был достигнут еще один компромисс для двух последних сессий, который позволил заключенным рассказывать про фотографии до начала матрицы. Несмотря на то что это можно рассматривать как слабый компромисс, это была возможность для заключенных быть выслушанными и принятыми всерьез и оказать влияние на событие. Это позволило бы проекту прийти к «достаточно хорошему» концу.

Хотя матрица является демократическим инструментом, где все участники равны, данная СФМ довольно часто превращалась в межгрупповое событие, в котором, как правило, доминировала тираническая динамика между подгруппами и/или между отдельными людьми. В некотором смысле, несмотря на наши «благие намерения», мы совершили фундаментальный раскол на «них и нас», который характеризовал связь и (и не-связь) между надзирателями и заключенными – и, не в последнюю очередь, между обществом и заключенными.

Вскоре стало очевидно, что первоначальный замысел СФМ, поставленная перед ней задача – сосредоточение внимания на тюрьме как социальной системе (а не на отдельных личностях) – и строгие временные рамки сессий слишком явно напоминали заключенным о жесткости, с которой тюремный персонал требовал соблюдения правил и распорядка дня. Похоже, что с помощью СФМ мы бессознательно затронули весь институт.

Эта тюремная СФМ продемонстрировала очевидность ограничений, в которых чувства и эмоции могут быть допущены, испытаны, пережиты, сдержаны и осмыслены как заключенными, так и «нами». Университетская группа снова и снова осознавала, насколько эта «институционализируемая нечувствительность» ограничивает, если не уничтожает, способность участников мыслить.

С другой стороны, судя по тому, что некоторые заключенные говорили на последней сессии в тюрьме, весьма вероятно, что СФМ заставила некоторых из них задуматься: я чувствовал потребность думать более интенсивно... Мысли, которые человек держал при себе, получили подтверждение... поэтому мои собственные мысли не могут быть полностью неправильными... Сходные мысли были у обеих сторон (заключенных и студентов), даже несмотря на то, что одна группа не живет в тюрьме.

Впоследствии, несмотря на все трудности и постоянную угрозу преждевременного завершения работы, священник рассматривал этот опыт как абсолютно отличный от того, когда группы посетителей приходят, чтобы получить впечатление о тюрьме или «развлечь» заключенных, временно освободив их от повседневной рутины. Как написал министр, «особенно на стороне заключенных я испытал глубину и изменение в мышлении. До настоящего момента я не верил, что такое возможно. Даже после прохождения значительного времени после окончания СФМ она продолжает оставаться темой разговоров и имеет значение для подростков» (Uellendahl, 2014, p. 129).

Пример 2. СРС на постдокторском курсе: «Мы действительно находимся в крайностях»

По приглашению преподавателя курса для докторантов под названием «Исследование бессознательного» в Университете Западной Англии (УЗА) я провела сессию СРС со своими сокурсниками в 2010 году. Это приглашение было сделано с двумя целями. Это была возможность для Роуз исследовать еще одну группу для моих докторских исследований, и это была возможность для студентов узнать больше о бессознательных процессах в группах, к которым можно получить доступ с помощью рисунков сновидений. Студенты с готовностью согласились на участие.

Хотя в центре моего докторского исследования было изучение того, какую ценность СРС имеет для отдельных участников, этот опыт помог мне обнаружить и ценность для групп в осознании собственной динамики. Группа состояла из шести женщин-участниц. Троице было за 50 (включая меня, я была самой старшей), двоим чуть за 20, а одной было за 30. Участницы не обладали развитыми знаниями о бессознательных процессах в группах. Их основной интерес и специальность – индивидуальная психология и психотерапия. Согласившись принять участие, одна из самых молодых участниц предложила следующую тему: «В какой степени поколение играет роль в исследовании?» Таким образом, она подготовила почву для открытий о нашей динамике как группы.

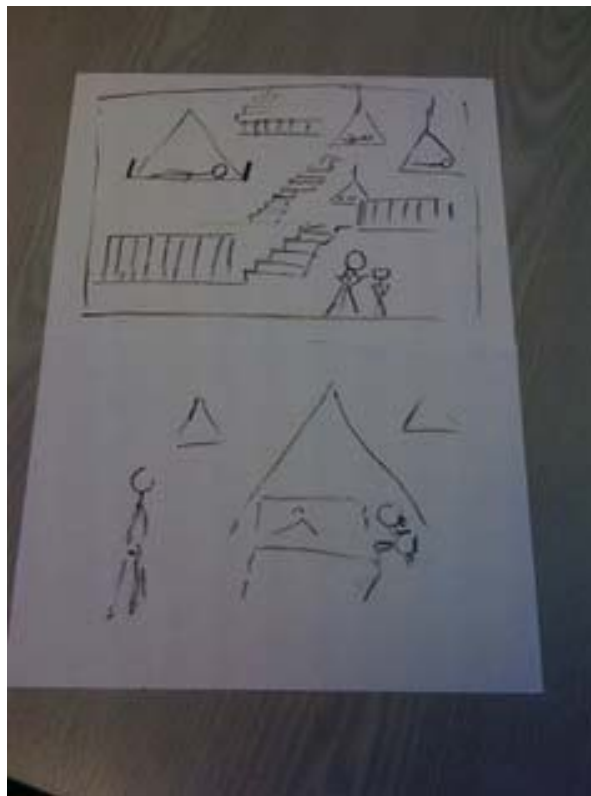
На следующий день участница, которой было слегка за 30, принесла этот рисунок сновидения (обратите внимание, что все цитаты из этой сессии можно найти в *Mersky, 2017*).

На этом рисунке (рис. 8) изображено очень большое пространство, с больничными кроватями, подвешенными к потолку. На одной из кроватей лежит сновидица. Когда ее врач входит, она начинает чувствовать себя «неловко» и «уязвимо». Ее врач во сне на самом деле (в реальной жизни) является терапевтическим клиентом сновидицы, который в реальности старше нее.

Ассоциации к рисунку сновидения были связаны с этим отношением: «неполноценность», «мать и дитя», «родитель и ребенок», «мать, укладывающая тебя спать». Здесь врач – одновременно пациент и целитель, также и сновидец – одновременно пациент и целитель. Происходит «смена ролей». Это «жутко», «сложно» и «неудобно». Упомянулся фильм «Искушение» и госпитальная палата военного времени.

Обсуждение, последовавшее за свободными ассоциациями, помогло выявить одну из основных динамик в группе, а именно различия между поколениями в двух подгруппах. Как заметил один из «старичков», «мы действительно находимся в крайних ситуациях». Один пожилой участник отметил: «Одна из вещей, которую вы узнаете, когда станете старше, заключается в том, что вы можете пережить то, что вы не думали, что сможете пережить». Другой сказал, что «трудно быть взрослым учеником». Свое мнение высказали и более молодые участники. Как отметил один из них: «Если я моложе, это не значит, что я не знаю, чего хочу».

**Рис. 8. Социальный рисунок сновидения
«Больничные койки, подвешенные к потолку»**

Они хотят сказать своим старшим (а все мы, три пожилые женщины, могли бы быть их родителями): «Вы не знаете, как это работает». Однако для одного пожилого участника заметить это различие было нелегко: «Есть некоторое нежелание думать о вас как о другом, потому что вы моложе... может быть, это просто мое нежелание признавать разницу... потому что разница может привести к конфликту». Это замечание, казалось, затронуло основную динамику в группе, которая не была высказана.

Второй рисунок сновидения был сделан одной из самых юных участниц и изображал ее в бассейне с акулой поблизости. Здесь, возможно, конфликт был более открытым. Пожилая женщина заметила: «Вы можете быть не в своей тарелке в некоторых отношениях». И были следующие комментарии двух участников, сначала младшего, а затем старшего: «Мне действительно нравится, когда люди старше меня рассказывают о своем опыте, о том, чему они научились, как справлялись с ситуациями, потому что я могу учиться на этом. Но с другой стороны, мне немного грустно, потому что я еще могу проживать это время, а для них оно закончилось... Я вроде как чувствую себя немного грустным или виноватым за то, что мне нравится жить сейчас, но это время ушло для них».

«Я действительно знаю, что означает фраза "за холмом". У меня действительно есть этот опыт внутри, вы знаете. Чувство, что на самом деле я достиг своего зенита и теперь нет другого пути, кроме как вниз, вниз до самого дна ... это страшное чувство... Дуга, на которой я нахожусь

в жизни, и есть это чувство, что... есть это чувство, что... э-э... я на самом деле не могу вернуться. Я должен дойти до конца этой дуги, где бы он ни был».

Мои собственные переживания во время групповой сессии, похоже, связаны с этой темой. Во время семинара я взяла на себя особенно материнскую роль в отношении одной из самых молодых участниц. Хотя именно она предложила эту тему, она была очень замкнута во время семинара. Моя материнская роль была замечена другими участниками. Это определенно был акт выхода из роли, который можно было рассматривать как принятие поколенческих проблем в группе. Ведя себя по-матерински, я впадала в привычную поколенческую динамику и создавала личную пару, которая могла бы чувствовать себя комфортно, для меня и для нас, но противоречила задаче работы. Таким образом, я разыгрывала саму проблему группы – разделение поколений (*Mersky, 2001*).

На самом деле казалось, что мы как группа участвовали в создании раскола между поколениями. Мы все договорились, чтобы участница, возраст которой является средним среди возрастов участников группы, первой представила рисунок сновидения. В этом смысле она служила посредником, и, возможно, было легче работать сначала с ее рисунком сновидения, чем с рисунком более младшей участницы. Несмотря на то что первая рисовальщица сновидений была на 10 лет старше двух самых младших, мы объединили их в молодую группу. Она была не против этого, отметив в своем интервью, что «чувствовала себя намного моложе, чем была».

Таким образом, как размышлял Бийон (1961), мы можем сказать, что группа находилась в режиме базовой гипотезы, что она создала набор защитных групп, чтобы избежать своей задачи и нейтрализовать беспокойство. Что оказалось довольно интересным, так это то, что до этой сессии большинство участников испытывали трудности с определением темы для исследования в своей дипломной работе по этому курсу. После сессии почти все смогли это сделать. Это приводит к весьма условной (и недоказуемой) гипотезе о том, что поколенческие проблемы мешали группе справиться с заданием и что на семинаре, где эти проблемы могли быть исследованы, было снято достаточно беспокойства, чтобы участники могли сосредоточиться на задачах, связанных с дипломом.

Обсуждение

Исходя из нашего опыта, можно заключить: СРС и СФМ (наряду с его корневой СМС) могут использоваться (и используются) несколькими различными способами. В каждом случае с их помощью возможно получить доступ к бессознательной динамике как отдельных людей, так и целых групп и систем. То, как используются указанные методологии, в какой-то мере, но не полностью зависит от цели, для которой они предназначены, определяемой теми, кто их организует и спонсирует.

Все они могут быть использованы в виде разовых отдельных семинаров, либо с постоянными группами, либо с участниками, незнакомыми

друг с другом. СФМ в Сербии, СРС в Чили и СРС в УЗА в Бристоле – все это примеры этого. В этих примерах мы видим, как участники получают свое собственное, индивидуальное понимание и коллективно развивают понимание своих групповых проблем, таких как «Сербия и лидерство», «Чили и правящая элита», напряженность между различными поколениями в группе Великобритании. Семинары проводятся без какой-либо конкретной цели, а исключительно чтобы предложить пережить творческий опыт, обычно связанный с темой, важной для системы, в которой они проводятся, например: «Чем я рискую в своей работе?», «Кто я как лидер и последователь», «В какой мере поколение играет роль в исследованиях?»

Кроме того, эти методологии могут быть использованы как часть более широкого процесса организационного развития в системе. Здесь цель состоит в том, чтобы собрать данные, относящиеся к проблеме, которая заблокировала систему и в связи с которой была запрошена консультация. Семинар генерирует такие данные для их последующего рассмотрения и одновременно выполняет функцию вмешательства в существующую систему. Хотя это не было заявленной целью семинара по СРС в университетском классе в Бристоле (см. выше), семинар помог группе определить основную динамику, которая влияла на поведение группы. Использование социоаналитических методологий в организациях широко освещено в статье Роуз, озаглавленной «Современные методологии для выявления и воздействия на бессознательную динамику в организациях: исследование замысла, возможностей фасилитации, парадигмы консультанта и конечной ценности» (Mersky, 2012).

В-третьих, эти методологии могут быть использованы в качестве методов исследования действий, цель которых – исследовать определенную проблему в системе, чтобы лучше ее понять, но не обязательно с намерением вызвать изменения в организации. Хорошим примером такого процесса является СФМ, проведенная в тюрьме, которая показала, каким образом тоталитарная динамика препятствует свободным ассоциациям. Хотя СФМ в тюрьме не была задумана как проект исследования действий, можно сказать, что она выполняла функцию исследования действий, делая явным опыт авторитарного состояния ума. Тема, использованная в этом семинаре, была «Что значит быть в тюрьме?». Другими примерами вопроса исследования действий могли быть: «Как здесь поддерживается разнообразие?», «Что характеризует лидерство в этой организации?» или «Переходные пространства». Это могут быть вопросы, которые очень хорошо подходят для социоаналитического подхода, где данные часто недоступны в количественном понимании, поскольку они имеют отношение к культуре, установкам, ценностям и истории организации.

В-четвертых, эти методологии могут быть использованы для проведения научных исследований, что и является предметом настоящей статьи. Из-за академической строгости теории, лежащей в их основе, и наличия большого количества публикаций, касающихся их использования, на них можно положиться в вопросе получения доступа к информации, которая иначе была бы недоступна в исследовательских ситуациях. Естественно, это потребует уделения пристального

внимания таким вопросам, как отбор проб, этика, сбор и анализ данных, а также разработка соответствующих протоколов для такого исследования. Мы не решаемся провести слишком четкую грань между исследованиями действий и научными исследованиями, поскольку научное исследовательское сообщество становится все более и более доступным для инновационных форм качественного исследования, которое стремится получить доступ к различного рода недоступным данным. Ключевым аспектом является то, что это выражает форму запроса.

Наконец, эти методики могут быть включены в текущие программы повышения квалификации консультантов по организационному развитию, которые хотят изучить инновационные и творческие способы работы со своими организациями-клиентами. Как это было, например, с социальной фотоматрицей в Сербии (см. выше).

При работе в группе СРС с интенсивным исследованием индивидуальных рисунков сновидений также может являться ресурсом для различных форм профессионального развития. Это может включать в себя:

- коучинговые программы для специалистов по организационному развитию и других смежных профессий;
- постоянная супервизия или программы обучения для профессиональных сообществ, таких как группы социальных работников, врачей, менеджеров или учителей;
- семинары и постоянное наблюдение за людьми, переживающими серьезные перемены в жизни, такие как переезд, смена работы, или выход на пенсию.

Поскольку он проводится в духе творческой активности, он имеет «удобный» аспект, который со временем помогает участникам осознать текущие паттерны, которые стоит исследовать и, возможно, изменить. Хорошим примером этого является семинар в Чили, описанный выше.

Хочу отметить, что существуют и другие новые и творческие способы использования этих методологий. СФМ, например, используется как часть общей программы обучения пониманию бессознательных процессов в организациях. СРС проводились на конференциях по групповым отношениям, и вскоре за ними могут последовать либо СРС, либо СФМ. Часто эти методики обретают последующую жизнь. Одна группа в Софии, которая участвовала в СФМ в 2013 году, продолжает встречаться в течение долгого времени, чтобы использовать эту методологию для своего собственного обучения. На своей последней сессии в январе 2016 года они использовали тему «То, что я отвергаю». Как писал один из ведущих: «Кажется, что возможности метода довольно широки, но все же мы должны придерживаться границ философии и рациональности, на которых он был разработан... Да, вы можете почувствовать себя в роли родителей младенца, болгарская группа СФМ!» (Матеева, 2016). Группа в Претории, которая участвовала в семинаре СРС под названием «Кто я как исследователь», продолжает встречаться и представит свои исследования на международной конференции в сентябре. Название их презентации звучит так: «Социальный рисунок сновидений: использование творческого

потенциала бессознательного для повышения лидерских способностей женщин». На протяжении многих лет мы работали в Университете гуманистических исследований в Утрехте с тремя различными группами докторантов, которые использовали семинары СФМ для исследования материалов своих докторских диссертаций.

Ключом к использованию любой из этих методологий каждым из четырех способов, указанных выше, является то, что они реализуются с четким пониманием их теоретической основы и чрезвычайно важной роли контейнирования группы и поставленной задачи. Как писала Роуз в другом месте (Mersky, 2012, p. 35), решающее значение для проведения такого семинара имеет «поддержание тонкого баланса между необходимостью ясности задачи и границ и текучестью и регрессией, необходимыми для возникновения бессознательных процессов». Ведущие должны не просто управлять сессиями, но одновременно управлять собственным опытом, поскольку они «...каждый раз вступают во что-то совершенно новое и бесконечное. Они дают ассоциации и амплификации, а также контейнируют и ведут группу за собой» (там же).

Здесь важно подчеркнуть то, что Джулиан Мэнли назвал «побочными эффектами» (2016), которые возникают при использовании этих практик. То, что он явно имел в виду здесь, было результатами раздела его докторского исследования, целью которого было изучение креативности СМС как практики. С этой целью в 2007 году он и его коллега организовали серию из четырех матриц социальных сновидений, приурочив их к выставке, посвященной двухсотлетию Акта 1807 года, который отменил британскую работорговлю: «Разрыв цепей: борьба за прекращение рабства» в Музее Британской империи и Содружества (ВЕСМ) в Бристоле (Manley, 2010). Однако побочный эффект, неожиданно обнаруженный его исследованием, был связан не только с социальным сновидением, но с его потенциальным вкладом в исследование «эволюционирующих целей и миссии музеев и их роли в обществе», особенно в том, что касается реакции посетителей на тревожный материал (Manley & Trustram, 2016). Этот побочный эффект похож на мое открытие, что СРС может быть использован в качестве средства для выявления динамики в группе (т. е. в постдокторском классе), что в ретроспективе может рассматриваться как подрыв способности группы выполнять свою задачу (см. пример УЗА выше).

Лоуренс связал бессознательные мысли, возникающие в социальном сновидении, с концепцией о «немыслимом известном» Кристофера Болласа (1987), то есть о том, что каким-то образом «известно» в системе, но недоступно для мышления и рефлексии. В своем понимании Роуз (Mersky, 2015) связала эту концепцию с понятием Пирса «странный вторгающийся» (Peirce, 1992–1998, p. 154), совершенно неожиданной ассоциацией или образом, который появляется в такой практике. Можно было бы сказать, что и Боллас, и Пирс утверждали, что вместо того, чтобы рассматривать эти скрытые и еще не интегрированные образы как вторгающиеся, они могли бы на самом деле быть открытием сложной

бессознательной реальности группы, такой как больничные кровати, подвешенные к потолку в примере УЗА, или красный крест на постельном белье в примере из Чили.

В ходе наших опытов как с СФМ, так и с СРС мы стали свидетелями бесчисленных примеров этих побочных эффектов, причем не только в отношении образов, но и в отношении реальных переживаний. Например, хотя СФМ не рассматривается как терапевтическое вмешательство, участники часто испытывают глубокие эмоциональные переживания во время семинаров. Иногда участники сталкиваются с болезненными переживаниями (недавняя смерть члена семьи, историческое исключение семьи из соответствующей культуры или потерянный мир докоммунистического общества). Это естественный, так сказать, побочный эффект погружения в такой глубокий опыт, который также способствует регрессии для решения задачи. Всегда следует помнить, что этот индивид может испытывать очень сильную реакцию от лица группы в целом. И это важный пример полученной информации, которая при контейнировании может говорить о групповом обучении. Концептуально эти глубокие переживания можно также рассматривать как проявление глубинных проблем, для обнаружения и решения которых предназначена практика. Это было прекрасно проиллюстрировано опытом студенческой группы, проводившей СФМ в тюрьме для несовершеннолетних. Таким образом, недостаточно иметь просто опыт, не разбирая его и не пытаясь придать ему смысл, во время рефлексивной сессии. В противном случае участники и группы могут остаться с переизбытком неинтегрированного и фрагментированного аффекта.

С проблемой побочных эффектов также связан вопрос о том, где и при каких обстоятельствах наиболее целесообразно использовать эти практики. Исследование Роуз по СРС показало, что СРС плохо работает с участниками, которые переживают крайне травмирующие события.

Природу регрессии в групповом опыте нелегко сдерживать, когда человек переживает глубокую утрату. Кроме того, эта работа не для всех. Участники должны обладать способностью работать с бессознательными силами, не чувствуя себя настолько уязвимыми, что они не способны думать (как это было в случае с заключенными). Поэтому это подходит не каждой группе, не каждому предмету исследования и не каждой организации.

Выводы

Мы завершаем статью следующими рекомендациями по использованию рассмотренных методологий

1. Роль фасилитатора важна для контейнирования процесса обучения и интеграции неизбежного странного вторгающегося.

2. Данные методологии не предназначены для очень уязвимых или очень сопротивляющихся систем или участников.

3. Должна проводиться как матрица, так и рефлексивные сессии, чтобы обрести смысл и заложить основу для будущих действий.

4. Эти методы основаны на устойчивой традиции и на конкретной теории, которые служат вдохновением и руководством.

5. Помня о том, что свободные ассоциации иногда могут играть роль защиты, как ведущие мы работаем над тем, чтобы постоянно возвращать участников к первоначальному материалу сновидения и визуальным элементам фотографий.

6. Их использование должно быть в достаточной степени обосновано для того, чтобы получить максимальный эффект. Отдельное мероприятие может быть интересным и приятным, но в конечном счете не более того. Обоснование включает в себя, например, участие в более широком процессе организационного развития, проходящую профессиональную конференцию, учебную программу по этим процессам или исследовательский вопрос.

7. В любом случае, независимо от того, используется ли методология в качестве отдельного мероприятия, процесса исследования действий, вмешательства в организацию или метода исследования, любое выпадение из роли (будь то участник или ведущий – см. пример УЗА выше) может стать пусковым механизмом бессознательной групповой динамики и возникновения важных данных, относящихся к этой динамике (Mersky, 2001).

В заключение хочется отметить, что для нас очевидно одно: независимо от заявленного намерения использовать такой метод, как то: отдельный опыт обучения, организационное вмешательство, часть продолжающейся программы профессионального развития или метод научных исследований, их использование в любой ситуации приводит к результатам, которые невозможно предсказать и которые могут простираться далеко в будущее.

Как СФМ, так и СРС основаны на конкретной теории и тщательно разрабатывались в течение многих лет. Они находятся в связи с другими тщательно и полностью разработанными методологиями. Много уже было опубликовано о теории, лежащей в их обосновании, и о том, как нужно мыслить, чтобы использовать их. Это чрезвычайно важно, учитывая этические вопросы, связанные с участием и ведением этих семинаров. Хотя по своей сути они и не являются терапевтическими, они оказывают терапевтический эффект. На первый взгляд это может показаться чем-то забавным и интересным (что часто происходит), но это больше, чем просто развлечение. Они включают в себя глубокие процессы.

Границы того, что часто считается общепринятым качественным исследованием, могут быть расширены с помощью указанных методологий, чтобы вывести на поверхность и сделать доступными для размышления еще больше данных, доселе недоступных, и открыть новые направления исследования, чтобы понять то, что мы не знали (сознательно) раньше.

Social Photo-Matrix and Social Dream-Drawing

*Mersky, Rose Redding & Sievers, Burkard (2018)
(Translated from English by Andrei Karpov)*

Dr. Burkard Sievers is Professor of Organizational Development in the Department of Economics, Management and Social Sciences at Bergische Universität Wuppertal in Germany. He is ex-President of the International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations for the period 2005–2007 and co-director of "Organizations in Depth", an International Professional Development Program held in Coesfeld/Cologne, Germany. He was awarded the 1995 International Award for Participation from the HBK-Spaarbank in Antwerp (Belgium) for his book "Work, Death, and Life Itself".

Rose Redding Mersky, organizational development consultant to a wide variety of private, public, non-profit and professional organizations for over thirty years. Coaching supervisor to individuals and groups on-line and author of workshops internationally on various socioanalytic methodologies. They include Organizational Role Analysis, Social Dream-Drawing, Organizational Observation, Social Photo-Matrix and Social Dreaming. A member of the International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations (ISPSO) since 1988, its first female president (1997–1999) and its first Director of Professional Development (2000–2006). Currently, honorary professor at the Higher School of Economics in Moscow.

The social photo-matrix (SPM) and social dream-drawing (SDD) are two action research methods designed to access the unconscious thinking in groups and organisations and to make it available for learning. They both make use of the creations of participants (photographs and drawings of dreams) as raw material. In working with these materials, participants and hosts offer free associations and amplifications to make available unconscious thoughts, which are reflected upon in a subsequent session. Rooted in social dreaming, which was developed in the 1980s by Gordon Lawrence (1998), these two methods are part of a larger group of socioanalytic approaches, many of which are explored in this book. This chapter begins by outlining the general theoretical underpinnings of these two praxes followed by a more extensive explanation of the theoretical roots characteristic of each one. An example of a stand-alone workshop of each is offered as well. We then describe two cases where their use led to important insights in two very different organisations, that is, a juvenile prison and a university. We close the chapter with a discussion of issues relating to their use as academic research methodologies and offer our recommendations for such use.

Keywords: Social Dream-Drawing (SDD), Psycho-Social approach, Social Dreaming, Social Photo-Matrix (SPM), free associations, reflection groups, containment, organizational development.